

АКЦИЯ • АКЦИЯ • АКЦИЯ • АКЦИЯ • АКЦИЯ • АКЦИЯ • АКЦИЯ • АКЦИЯ

ПАМЯТНИК
И
БЕСПАМЯТСТВО

Наш еженедельник уже довольно давно выступил с инициативой установить в Москве памятник Михаилу Александровичу Шолохову. Однако до сей поры нет не только памятника, нет даже реакции на выступление единственной книжной газеты России.

Впрочем, реакция была. Памятник Шолохову готовы возвести в Оренбурге. Наша благодарность оренбуржцам — велика. Однако большую часть жизни Шолохов все же провел в других областях и городах России. А реакции этих городов как раз и нет. Где москвичи? А где ростовчане?

Вообще у нас с памятниками произошел какой-то перекос. Памятников действительно выдающимся писателям XX века (а к таковым, без сомнения, относятся все наши лауреаты Нобелевской премии) у нас в России почему-то не ставят. Нет настоящего памятника Ивану Бунину, нет памятника Борису Пастернаку. Нет памятника пусть и не нобелисту, но зато самому читаемому писателю XX века — Михаилу Булгакову. И наконец, нет памятника Шолохову.

Чего здесь больше: невинности к автору «Тихого Дона» или, наоборот, желания принизить его — судить не беремся. Однако на одну черточку, возможно, являющуюся ключом к неустановке памятника Шолохову, все же укажем. Желание объявить Шолохова «неавтором» «Тихого Дона» — чисто политическое. И как бы кому ни было обидно, — чисто классовое (пусть теперь классы называются «стратами» или как угодно). И такая классовая ненависть есть, между прочим, не только у бобылей, божьих, пролетариев и колхозников. Она есть и у богатых. И у кого ее больше — это еще вопрос. Желание не допустить Шолохова с «суконым рылом в калашный ряд» просматривается весьма явственно. Лучше бы, конечно, такую классовую ненависть отбросить. Но как отбросить? Ведь тогда придется признать М.А.Шолохова великим писателем. А это некоторым нашим писателям и властью предержащим читателям — как нож острый к горлу! Теперь, когда, по сообщениям российских газет, найдена наконец подлинная и полная рукопись «Тихого Дона», переписанная рукой Шолохова, — «КО» еще раз обращается ко всем читающим великую русскую литературу:

Давайте вместе воздвигнем памятник не отиравшемуся в столицах и не проматывавшему свою душу на литтосовках казачу Шолохову! Поставим, может, легче на душе станет.

Редакция «КО»

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Главе администрации (губернатору) Ростовской области В.Ф.Чубу, председателю областного Законодательного собрания А.В.Попову

В 2000 году Михаилу Александровичу исполнилось бы 95 лет. Дата, может быть, и не «круглая», но весомая. И она заставляет нас осмыслить все происходящее вокруг нашего земляка, лауреата Нобелевской премии. Я признателен прозаику Анатолию Вениаминовичу Калинин за идею о

сооружении памятника народному писателю в Москве. Предлагаю создать специальный фонд и собрать народные деньги на строительство памятника народному писателю. Также предлагаю донскому губернатору Владимиру Чубу и председателю областного парламента Александру Попову стать застрельщиками этой ценной идеи, поддержать инициативу всех тех, кому дорога память о великом русском писателе.

г. Ростов-на-Дону

Евгений РЯБЦЕВ, писатель, кандидат филологических наук

ГДЕ ПРИСЕЛ ОТДОХНУТЬ
МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ?

...Словно после долгого пути, вступив в родные пределы, присел он на минуту отдохнуть и о чем-то задумался. Дорожный плащ небрежно сброшен на скамью, в правой руке привычно зажат неизменный мундштук с дотлевающей сигаретой, взгляд сосредоточен, спокоен. Таким увидел своего великого земляка Михаила Александровича Шолохова ростовский скульптор Анатолий Скнарин. «Как-то по дороге в станицу Вешенскую, уже за Миллерово, в живописном месте, в лесу показали мне самодельную скамеечку: между двумя старыми засохшими пнями укрепленая простая небрежно обструганная доска, — вспоминает Скнарин. — Вроде бы ничего особенного, но была тут одна очень важная для меня деталь. Попутчики рассказали, что именно в этом месте, возвращаясь домой из своих многочисленных поездок, въезжая в родные, хорошо знакомые ему места, любил Михаил Александрович выйти из машины, спокойно посидеть, покурить в густой

тени деревьев, подышать родным воздухом. Таким он и увидел мне: уставшим путником, присевшим отдохнуть на многотрудном пути».

Таким он и остался в работе ростовского скульптора. У этого памятника удивительная и загадочная судьба. Созданный в 1983 году, за год до смерти Михаила Александровича, он с триумфом демонстрировался на областной, зональной, республиканской, всесоюзной выставках, получал высокие оценки самых авторитетных мэтров российской Академии художеств. Лет пять спустя вошел в своеобразную антологию изобразительного искусства России конца XX столетия — великолепно изданный в издательстве «Художник РСФСР» альбом, собравший лучшие работы художников и скульпторов страны чуть ли не за четверть века. Работа Скнарина тогда же была приобретена Министерством культуры СССР и... затерялась в многочисленных запасах и хранилищах этого ведомства. В мае

Анатолий Скнарин. Проект памятника М.А.Шолохову

будущего года писателю должно было бы исполниться 95 лет. Более 15 лет его уже нет с нами. Но «нет пророков в своем отечестве».

Журнал «Книга и Время», а вслед за ним и газета «Книжное обозрение» обратились к правительству России, Москвы, руководству Ростовской области, к деятелям культуры, общественным организациям и объединениям сделать все, чтобы памятник М.А.Шолохову стоял в Москве, где неоднократно бывал и

какое-то время жил писатель, или в Ростове, на Донской набережной, в окружении героев своих произведений, или в Вешках, где в усадьбе Шолохова работает посвященный ему государственный музей-заповедник, или в хуторе Каргинском, где он родился. А может быть, на том самом месте, которое он так любил?

Вячеслав ЯРОШЕНКО, собкор «КО»

г. Ростов-на-Дону

— ВОСПОМИНАНИЯ —

...Сентябрь 1967-го. В составе группы ростовских писателей я ехал на Верхний Дон. В те времена я был непозволительно молод, закален четырьмя ветрами геологических перекрестков. И все же меня включили в поездку с именитыми. Долгая дорога от Ростова до Вешенской утомляла, и я, чтобы скрасить пыльные версты, бесстрашно шутил.

Развернутой гармонью стоял понтонный мост. На площадке возле двухэтажного особняка впечатляюще застыл собор. Ночь была беспокойной. Гадали, как на ромашке: «Примет — не примет!» Утром мы стояли у высокого зеленого забора. Калитка распахнулась, Михаил Александрович встречал нас с улыбкой, перекатывая «беломорину» из края в край губ. Невысокого роста, в ладно сидящем черном пуловере с вязаными рукавами, он по-снэйперски зорко вглядывался в лицо каждому, поправлял натруженной рукой ковыльный чуб.

— Здравствуйте! Проходите,

ПРИМИТЕ МЕНЯ В КАЗАКИ!

пожалуйста, — приглашал он делегацию в глубь двора. — Сегодня тепло. Может быть, устроимся на веранде?

Гости рассаживались. Шолохов не торопился. Плетеных деревянных кресел явно не хватало. Я, как самый юный, замер, понимая, что на одно место осталось нас двое.

— Садитесь. Сейчас принесут! — сказал Михаил Александрович.

Через минуту секретарь Шолохова Петр Чукарин поставил стульчик.

— В ногах правды нет. Садитесь, — повторил он и показал глазами на кресло.

Так получилось: сижу рядом с Шолоховым, чуть испугавшись такой близости, осторожно отодвинулся и, положив блокнотик на колени, несмотря на запрет ничего не записывать, все-таки запечатлел на бумаге отдельные фразы беседы... кажется, время остановилось. и даже лопоухий

солнечный зайчик прислушивался...

Мы знали: в те дни Шолохов трудился над романом «Они сражались за Родину». Чувствовалось: оторвали его от рабочего стола. И все-таки Шолохов был настроен добродушно. Обращаясь к писателю-земляку Михаилу Никулину, заметно прибавившему в весе, выговаривая «ч» как «ш», шутил: «Станичник, давненько не виделись. Почаще приезжайте. Воды у нас такие — вылетает тебя и снаружи и внутри!»

— Михаил Александрович, как работаете? — наконец отважился спросить Никулин.

— Хорошо! — коротко ответил Шолохов и больше не возвращаясь к этой теме, переводя разговор на перспективу развития станицы и о желательности разведения в районе североказахстанских овец, в условиях скудного разнотравья дающих мясо и шерсть... Эти вопросы волновали Михаила Александровича. Видимо, Шолохов в то утро не был настроен лирически.

— Потом, когда поедите, и вас примут в казаки...

Подшла к концу наша двухчасовая беседа. Встали, как по команде, одновременно. Поэт, над которым я подтрунивал в дороге, решил отомстить мне, неразумному: «Михаил Александрович, надо же! Аршак, мягко говоря, нагловатый молодой человек. А вас увидел — покраснел, как девушка!»

Шолохов на мгновение приостановился. И, сурово посмотрев на меня, то на него, бросил: «Покраснел? Да потому что любит!»

— Давайте сфотографируем-

ся на память, — предложил кто-то.

— Можно! — согласился хозяин дома.

Мы тесно встали у ступенек веранды.

— А фотографии будут? — спросил я, осмелевший.

— Конечно, фотограф ведь провинциальный! — с юмором ответил Шолохов.

— Подписали бы нам книги, Михаил Александрович!

— Писатели... И тоже автографы собирают... Оставьте. Подпишу.

Вечером я уже разглядывал снимки и читал надпись на двухтомнике: «А.Тер-Маркарян — желаю в поэзии быть удачливым, как (по созвучию) был д'Артаньян! И таким же лихим. М.Шолохов».

Потом я стану обладателем еще нескольких автографов Шолохова. Но первый — самый памятный.

...В феврале нынешнего года я снова побывал в Вешенской. Пришел к уже музейной усадьбе. Падая густой снег на серый мраморный камень. Я стоял молча.

...Кружились, парашюта, снежинки. Словно не ветер, а незримая рука стирала с печального могильного камня белую метель. Горели, переливаясь, буквы... Казалось, я слышу приглушенный его голос... Он лежит в нескольких шагах от того места, где когда-то сфотографировались. Было холодно, и мне захотелось дотронуться до камня. Словно отдать ему на прощанье немножко своего живого тепла...

Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН

На снимке (слева направо): Михаил Шолохов, Аршак Тер-Маркарян, Михаил Никулин, Григорий Тягленко